

Бостонъ.

ГЛАВА X.

СТРАН.

Еще разъ на «Дальнемъ Западѣ». — Встрѣча эмигрантовъ съ Запада и Востока. — Омага. — Айова и Иллинойсъ. — Детройтъ. — Ниагарскіе водопады. — Олбани столица штата Нью-Йоркъ. — Встрѣча съ русскими въ Бостонѣ. — Законы Массачусетса. — Линнъ. — Чарлстоунъ. — Бостонскія улицы. — Капитолій. — Публичная библіотека. — Кэмбриджъ. — Школы. — Политическій котель. — Залъ Фанейла. — «Колябель Американской Свободы». — Бѣдствія рабочихъ. 186

Вашингтонъ.

ГЛАВА XI.

Въ дорогѣ. — Старые товарищи въ Нью-Йоркѣ. — Капитолій. — Смитсоновскій институтъ. — Департаментъ Земледѣлія. — Вашингтонскій монументъ. — Генри Вильсонъ. — Саркофагъ Вашингтона. — «Бѣлый домъ». — Министерства. — Глуховѣице. — Солдатскія сироты и домъ Луизы. — Коркорановская галлерея. — Школы. — Конгрессъ. — Посланіе Гранта. — Встрѣча сего года. — Пріемъ народа президентомъ Соединенныхъ Штатовъ 210

Балтиморъ.

ГЛАВА XII.

Городская дума. — Улицы. — Фортъ Макъ-Генри. — Паркъ на Друидскомъ холмѣ. — Боевой памятникъ. — Монументъ Вашингтону. — Институтъ Пибоди. — Посланіе городского головы. — Публичныя школы. — Заведеніе для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ. — Протестъ рабочихъ 249

Филадельфія.

ГЛАВА XIII.

Въ дорогѣ. — Залъ Независимости въ Филадельфіи. — Работа. — «Carpenters Hall». — Домикъ Пенна. — Вязъ мира. — Библіотеки. — Газета «Public Ledger». — Институтъ Франклина. — Монетный дворъ. — Массонскій залъ. — Домъ для пьяницъ. — Заведеніе для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ. — Тюрьма. — Коледажъ Жирара. — Концертъ слѣпыхъ. — Благотворительныя заведенія для дѣтей. — Женщины — голова и душа дѣла. — Школы. 265

Русскій отдѣлъ на столѣтней всемірной Выставкѣ.

ГЛАВА XIV.

Новый годъ.—Фэйрмаунтъ паркъ.—Зоологическій садъ.—	СТРАН.
Исторія возникновенія Выставки.—Открытіе.—Россія на Выставкѣ.—	
Столѣтнее 4-е іюля.—Прощай Америка.	309

Первые листы своего путешествія я намѣренъ посвятить вамъ, милостивымъ государыни и господа. Желаніе нарисовать передъ вами возникновеніе мысли о поѣздѣ по Америкѣ безъ денегъ, и то, какимъ образомъ это намѣреніе осуществилось, вынуждаетъ меня сказать здѣсь нѣсколько словъ, хотя-бы для этого пришлось развернуть страницу раннихъ дней моей жизни. Если вамъ не нравится таковой приступъ къ дѣлу, то начинайте прямо съ главы о Нью-Йоркѣ: вѣдь насъ никто не смѣетъ обязать прочитывать все напечатанное въ книгѣ.

Тѣмъ десять тому назадъ, насъ, совершенныхъ юношей-товарищей интересовали повѣсти и рассказы изъ американской жизни. Увлекательны были описанія горъ, лѣсовъ, водъ, полей, индійцевъ, буйволовъ—и молодая фантазія рисовала волшебныя картины. Плавая по Волгѣ, мы силились представить Миссисипи и Мараньонъ бродя по лѣсамъ и степямъ Саратовской губ., намъ думалось: а въ Америкѣ все это величественнѣе и лучше. Рядомъ такихъ мыслей у насъ какъ-то само-собою возникло желаніе составить компанію и начать какое-нибудь дѣло, чтобы жить совершенно независимо. Такой оборотъ мечтаній чрезвычайно обрадовалъ всѣхъ, но когда кто-то упомянулъ объ Америкѣ, то всѣ испугались: какъ юноши мы фантазировали свободно, а сдѣлать положительный шагъ на практической почвѣ—не тверды были наши ноги. Помню я, какъ, лежа на травѣ у казенныхъ соляныхъ амбаровъ (въ Саратовѣ), духъ запымался у каждаго отъ грандіозныхъ, по нашему представленію, намѣреній. Но первая робость прошла и, выѣсто Америки, мы порѣшили отправиться на Кавказъ, чтобы основать тамъ земледѣльческую колонію. У насъ не было ни знаній, ни средствъ—порѣшили

достать и то, и другое. У кого было двѣ пары сапогъ—одну продали, у кого было два сюртука—одинъ обратили въ деньги; у кого были деньги—тотъ давалъ ихъ и, вручивъ избранному товарищу, снарядили его въ Петербургъ—учиться. Сами мы разбрелись въ разные стороны просвѣщать юношество и копить деньги. Кромѣ учительства, я занимался торговлей, самъ лиль свѣчи и т. д., а другой изъ товарищей—хлѣбопашествомъ, но получилъ громадный минусъ отъ своего предпріятія. Года черезъ два я возвратился въ Саратовъ, имѣя небольшую житейскую практику за плечами и до двухъ сотъ рублей въ карманѣ. Посланный въ Петербургъ, отъ болѣзни едва не умеръ на дорогѣ и полуживой вернулся назадъ. У другихъ дѣла не клеились, да вѣроятно и поостыли желанія—и наше коллективное намѣреніе разлетѣлось прахомъ.

Продолжая читать американскіе рассказы и повѣсти, меня вдругъ поразила мысль, что тамъ была все кровь, кровь и кровь. Я ужаснулся—и съ тѣхъ поръ не бралъ въ руки ни одной книги съ подобнымъ содержаніемъ; но желаніе видѣть Америку осталось.

Явились новыя переводимыя книги. Теперь Соединенные Штаты интересовали уже съ иной стороны, о которой до толѣ не было и рѣчи. Снова заговорили объ Америкѣ, но изъ старыхъ товарищей здѣсь былъ только я. Одинъ взялся за изученіе французскаго языка (англійскій, какъ совсѣмъ неизвѣстный, не привлекалъ нашихъ симпатій), а другіе обѣщались заняться ремеслами. Имѣя мѣста, мы старались сократить свои расходы, чтобы сберечь извѣстную сумму на проѣздъ. Разговаривая на эту тему, насъ сильно интересовали исторія мореплавателей, но и здѣсь прежде всего нравилась поэтическая сторона дѣла; мы были еще очень, очень молоды.

Разъ какъ-то сижу я въ своей квартирѣ, во время сильной грозы и вижу, что на всѣхъ парусахъ летитъ ко мнѣ «отставной медицинскій студентъ» и, едва отворивъ дверь, зоветъ:

— Идемъ! сказали онъ, такимъ тономъ, отъ котораго невольно чувствуешь бодрость.

— Куда?

— На Волгу. Развѣ вы не видите какая буря?

Черезъ минуту единственнымъ два путника мѣсили грязь по улицѣ. Лилъ нестерпимо-проливной дождь, молнія непрерывно по-лосовала небосклонъ по всѣмъ направленіямъ, оглушающій громъ грохоталъ неумолкаемо. Стоимъ мы у «своггала» на открытой плат-

формѣ, далеко высувшійся впередъ. Неистовствуетъ сѣро-сѣдая Волга; сбивая къ ногъ свищетъ вѣтеръ.

— А на морѣ, сказалъ товарищъ, вѣдъ еще лучше?

Мы невольно измѣрили глазами швняющіяся волны и взглянули на домъ.

— Еще-бы! отвѣчать я.

Желая испытать, насколько, при случаѣ, можетъ быть полезно ружье, я отправился въ лѣсъ и жилъ тамъ три, дня, питаюсь сороками и всѣмъ, что придется застрѣлить. (Благо на Руси праздниковъ такъ много, что у меня, иногда, выпадало на недѣлѣ четыре свободныхъ дня, включая и воскресенье). Результатъ вышелъ двойной: первое, у меня не было никакого желанія повторить этотъ опытъ еще разъ, а тѣмъ болѣе-вести подобнаго рода жизни; второе я увидѣлъ, что если придется, то могу прожить и такъ.

Быстро шло время въ мелкихъ подготовленіяхъ, какъ получаю я письмо отъ одного изъ товарищей, гдѣ онъ, указывая на страницу сочиненій Бёрне, рекомендуетъ мнѣ прочесть ее. Я развернулъ книгу на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ названный писатель говоритъ о пѣмцахъ, зачѣмъ они бѣгутъ въ Америку искать своего счастья, а не подумаютъ о томъ, чтобы устроить эту Америку у себя дома. При личномъ свиданіи вышелъ оживленный разговоръ, отъ результата котораго наше коллективное намѣреніе разлетѣлось прахомъ. Однимъ, какъ оказалось, нельзя было выдохнуть, а сторонникъ Бёрне подвизается теперь на поприщѣ аллилуйя.

Цѣлые годы прошли въ такихъ порывистыхъ стремленіяхъ и вотъ наступили святки 1871—2 года. Въ одномъ изъ домовъ первостатейной улицы большая компанія знакомыхъ поетъ, пляшетъ, смѣется, шутитъ,—словомъ, веселится какъ обыкновенно веселятся въ это время. Припоминая отсутствующихъ, коснулись и тѣхъ личностей, которые уже находились въ Соединенныхъ Штатахъ. Очень естественно, каждый интересовался знать какъ онѣ тамъ живутъ, что дѣлаютъ и т. д. Скоро Америка сдѣлалась общимъ предметомъ разговоровъ; слышались желанія видѣть эту «чудную страну», подышать вольнымъ воздухомъ и проч., но всѣхъ связывалъ недостатокъ средствъ.

— Съ деньгами хорошо путешествовать, а безъ денегъ, брать плохо! ввернулъ кто-то. И—удивительно!—съ этимъ философомъ всѣ согласились. Бесѣда приняла иной оборотъ: на сколько путешествіе

но Соединеннымъ Штатамъ полезно для Россіи вообще и для отдѣльнаго лица въ частности? Толковали достаточно долго на эту тему и въ принципѣ всѣ согласны были признать пользу за поѣздой. Теперь само собою выплылъ другой вопросъ: какимъ образомъ привести въ исполненіе принятое намѣреніе? Здѣсь мнѣнія разошлись несравненно больше, чѣмъ въ первомъ случаѣ. Одни, подобно философу, не видѣли иной возможности, кромѣ готовыхъ денегъ; другіе предполагали скопить для этого достаточную сумму, и — конечно, дѣло укладывалось въ одинъ изъ дальнѣйшихъ ящикоетъ; по мнѣнію третьихъ, можно было отправляться хоть сейчасъ, но при одномъ существенномъ условіи: не бояться работы и рѣшительно во всемъ полагаться только на себя. Указавъ на важность и трудность названнаго условія, естественно возникъ и третій вопросъ: кто рѣшится привести такой планъ въ исполненіе? Перебирая другъ друга, у всѣхъ находились уважительныя, или повидимому уважительныя причины оставаться дома. Нѣсколько человекъ разомъ указало на меня.

— Вотъ онъ можетъ!

— Да, ему можно — подтверждали другіе.

Нѣкоторымъ изъ этихъ господъ были извѣстны мои прежніе порывы, а двое или трое даже раздѣляли ихъ когда-то. Обиняя въ головѣ весь трудъ предпріятія и не будучи въ состояніи держаться на ногахъ отъ сильнаго волненія, я опустился на стулъ. Вѣдь серьезнаго исхода отъ этого разговора едва-ли кто ожидалъ: говорили просто потому, что предметъ бесѣды оказался интереснымъ для всѣхъ.

— Я поѣду! вырвалось у меня не то робко, не то твердо.

Какъ мнѣ показалось, никто не обратилъ на эти слова никакого вниманія, да и едва-ли ихъ разслышали за общимъ говоромъ.

— Ёду! произнесъ я въ-слухъ съ твердымъ жестомъ правой руки, и когда всталъ на другой день утромъ то тотчасъ-же послалъ деньги въ Питеръ за англійскими учебниками. Извѣсилъ важность результата отъ путешествія — и расплылась моя фантазія что твой океанъ. Но со вздохомъ подумалъ: вѣдь это результатъ, а каковъ путь къ этому результату? — Оставалось съ полгода до отъѣзда, а въ языкѣ, безъ помощи учителя, много успѣть нельзя; ремесла никакого не знаю, не знаю и страны, куда ёду. Какъ-то смутно представлялось мнѣ, что когда человекъ рѣшительно хочетъ что-нибудь сдѣлать,

то нѣтъ тѣхъ препятствій, которыя преградили-бы ему дорогу; но достанетъ-ли силъ устоять на такомъ рѣшеніи? Во всякомъ случаѣ надо постоянно имѣть его въ виду. Занятія языкомъ или своей чередой, а потомъ наплась квартира, гдѣ я сталъ учиться токарному ремеслу и, кромѣ того, занимался еще переплетнымъ.

Обставивъ дѣло съ этой стороны, я принялся за разработку другой, именно: въ чемъ будетъ и долженъ заключаться основной капиталъ, не деньги, а именно капиталъ для путешествія? — Въ работѣ и въ полнѣйшемъ довѣріи къ собственнымъ силамъ. Есть-ли у меня энергія и настойчивость нужныя, для этого? — Результатъ получился неудовлетворительный и, значить, необходимо было приняться за добываніе того и другаго. Становясь на эту точку зрѣнія, всѣ препятствія показались мнѣ прекраснымъ матеріаломъ для упражненій, хотя, откровенно говоря, я боялся обидѣя такого матеріала. Всякая мелочь казалась мнѣ теперь важною какъ элементъ, восполняющій недостатокъ. Выслушавъ нѣсколько насмѣшливыхъ замѣчаній («покажите и намъ дорожку» и проч.) на счетъ исполнимости предпринимаемаго, я, кромѣ самыхъ близкихъ друзей, совсѣмъ пересталъ говорить объ этомъ предметѣ съ другими.

Теперь выплывалъ дальнѣйшій вопросъ: сколько времени потребуется на путешествіе и какимъ путемъ я буду выполнять его? Рассчитывая приблизительно, я ассигновалъ пять лѣтъ на это дѣло и рѣшилъ его вести такимъ образомъ: поработавъ въ одномъ городѣ и скопивъ деньги, переѣзжать въ другой; здѣсь опять работать и копить, чтобы переѣхать въ третій и т. д. вплоть до тѣхъ поръ, пока все путешествіе не придетъ къ концу. Здѣсь, какъ видите, не было ничего новаго, но для меня оно представлялось совершенно свѣженькимъ: — далѣе 200 верстъ отъ Саратова я нигдѣ не бывалъ, да притомъ, я понималъ разницу между случайными переѣздами изъ города въ городъ и — системой; короче говоря, когда было рѣшено видѣть Санъ-Франциско, то хоть нѣшкомъ, а долженъ былъ туда отправляться — и я пошелъ.

Въ кругу друзей мои намѣренія встрѣчали самую жаркую одобренія, самая пламенная надежда и также удивились всѣ скептики и не знающіе, когда не оставалась и не могло остаться рѣшительно никакого сомнѣнія въ томъ, что я дѣйствительно ѣду. Въ родномъ городѣ почти никто не вѣрилъ въ мой отъѣздъ, но это понятно; поѣздки въ Нижній, Москву или Питеръ сваряжались съ молебнами

напутствіями и т. д., а тутъ—въ Америку! Всякая фантазія безсильна была нарисовать такую, по ихъ мнѣнію, отвагу. Даже отецъ предостерегалъ: «смотри, сказалъ онъ, не пеняй на другихъ, — вѣдь самъ задумалъ».

На второй день плаванія отъ Гавра, когда берега Европы скрывались изъ виду, я взялъ перо и написалъ первую страницу «Дневника», гдѣ, говоря о путешествіи, между прочимъ сказалъ, что его «задумалъ я; исполняю я; и всѣ послѣдствія рѣшенія принимаю на себя». — Нью-Йоркская жизнь поставила меня въ прямые отношенія съ суровой и неизвѣстной страной; здѣсь-же въ первый разъ въ жизни я взглянулъ въ лицо голода. Надо было имѣть смѣлость смотрѣть въ глаза напастямъ и рѣшимость сразиться съ ними, а мои силы оказывались слабыми. Все-же видѣлъ я, что при большей опытности и главное, знаніи языка, могу кое въ чемъ устоять. Тутъ у меня составилъ подробный планъ путешествія, окончательное рѣшеніе котораго я отложилъ до Ст. Луи, потому что возникали инныя соображенія. Первоначально этотъ планъ заключался въ томъ, чтобы посѣтить Нью-Йоркъ, Флориду, Нью-Орлеанъ, Ст. Луи, Чикаго, Детройтъ, Бостонъ, Филадельфію, Балтиморъ, Вашингтонъ, Цинциннати и Санъ-Франциско; отсюда, перерѣзавъ Великій и Индѣйскій океаны, Суэзскій каналъ, Средиземное море, Дарданеллы, Черное море, выйти на берегъ въ Одессѣ. Такимъ образомъ выходило кругосвѣтное путешествіе; изъ С.-Франциско до Одессы я намѣревался отправиться въ качествѣ матроса.

Переѣзжая во Флориду, кромѣ желанія видѣть страну, у меня были и другія соображенія: тамъ я *долженъ* былъ говорить по-англійски, потому что пресѣкалась возможность объясняться по-русски и, кромѣ того, не ожидая встрѣтить тамъ ничего, особенно интереснаго, познаніе языка могло принести мнѣ наименьшій ущербъ, а обружающая среда постоянно вынуждала практиковаться по-англійски. Этотъ способъ былъ въ моихъ глазахъ все же лучшимъ, чѣмъ въ третій разъ проходить грамматики, не приносяшія мнѣ почти никакой пользы. Оставаться въ Нью-Йоркѣ и сводить знакомство съ американцами (для практикѣ въ языкѣ) было просто противно послѣ всего испытаннаго тамъ. А тутъ «за далью непогоды» рисуется «блаженная страна», гдѣ «не темнѣютъ неба своды», гдѣ «не проходитъ тишина». Испытанія этого «прекраснаго далека» были горьки, очень горьки, за то положительно выяснился фактъ, что «не страшна мнѣ

Америка,— мнѣ, безъ языка и знакомыхъ—одному среди этой многолюдной стени».

Явился я въ ст. Луи. Первоначальный планъ путешествія измѣнился такимъ образомъ, что объѣзду второй половины земнаго шара я предпочелъ всемірную Филадельфійскую выставку въ честь столѣтней независимости Соединенныхъ Штатовъ и выходило, что мнѣ оставалось посѣтить Чикаго, С. Франциско, Детройтъ, Бостонъ. Вашингтонъ, Балтиморъ и Филадельцію, чтобы, посмотрѣвъ здѣсь выставку, тронуться къ роднымъ берегамъ. Письма съ родины, удачныя дѣла поддерживали меня въ настроеніи, которое обрисуетъ слѣдующими словами изъ «Дневника», отъ 5-го сентября 1873 г. «Ровно годъ какъ я живу въ Америкѣ. Съ широкою увѣренностью пустился я въ путешествіе и вотъ по прошествіи года во мнѣ утвердилась или, лучше сказать, подтвердилась фактами моя надежда на себя. Если прежде я говорилъ, что пройду Америку изъ края въ край, то теперь въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія». Самоувѣренность доходила до того, что нѣтъ и не можетъ быть ничего такого, что могло бы противостать силамъ человѣка. Нископните на него всѣ ужасы неба и земли — все сломить его могущество, все покорить его власть, все сокрушить его воля. Вызывая на борьбу всѣ напасти вселенной, человѣкъ можетъ сдѣлать это только для того, чтобы доказать имъ все ихъ ничтожество. Въ эти минуты экзальтацій величественно рисовалась мнѣ грандіозная фигура лорда Непира, когда онъ задавалъ себѣ вопросъ: «Что такое страхъ? — Я его не знаю». Ступенькой ниже стоялъ Гарibaldi, готовый вопрошать себя на эту тѣму. Припоминались историческіе факты, гдѣ людская воля переворачивала весь миръ—и еще болѣе убѣждался я, что силы человѣка непреодолимы.. Жаль только, что у весьма не многихъ онѣ развиты.

Наступила пора отправления въ Чикаго. Я подожительно зналъ, что вѣроятность найти тамъ работу была на $\frac{3}{4}$ меньше, чѣмъ въ Ст. Луи, но переѣздъ лежалъ въ программѣ моего путешествія—и я поѣхалъ. Товарищи-рабочіе, не знавшіе моего дѣйствительнаго побужденія къ отъѣзду, окончательно отказались цовать мой поступокъ. Я былъ увѣренъ, что не пропаду—и этого было достаточно. Обрушились бѣды, на успѣшную борьбу съ которыми оказались слабоватыми мои силы. Письма съ родины, этотъ истинный животворный источникъ, не приходили; послѣ оказалось, что и мои не дости-

гали своего назначенія! гдѣ-то, какимъ-то страннымъ образомъ онѣ пропадали, а иногда приписались распечатанными... Одинъ подобный случай былъ извѣстенъ мнѣ и въ Соединенныхъ Штатахъ: мужъ распечаталъ письмо жены безъ ея согласія; жена подала протестъ — и муженёкъ былъ приговоренъ къ десятилѣтнему тюремному заключенію. Въ другихъ странахъ это проще дѣлается: прочитай письмо, вамъ отдають его еще съ предупрежденіемъ, что тамъ «ничего нѣтъ интереснаго». Давнія обстоятельства отразились и въ «Дневникѣ» настроеніями, когда я чувствовалъ «будто весь міръ стоять ко мнѣ спиною и всё мои успія обернуть хоть кого пибудь къ себѣ лицомъ — напрасны. Страшныя минуты, болѣно становился». «Пусть что будетъ, — я готовъ ко всему». «Работы нѣтъ, тоска несносная». Но вотъ протянулась дружелюбная рука — и я съ радостью ухватился за мысль, что сдѣлавъ отступленіе отъ плана, могу ускорить исполненіе его — и поѣхалъ въ Радомъ. Здѣсь совершенно неожиданно я получилъ изъ Ставрополя-Кавказскаго письмо, гдѣ предлагали мнѣ деньги... Самъ я, мѣсяца за 2—3 передъ тѣмъ (еще изъ Чикаго) писалъ въ Россію о томъ же, но по счастью, не получилъ рѣшительно никакого отвѣта отъ тѣхъ лицъ. Теперь, отказываясь отъ предложенія, у меня возникло новое желаніе: не брать на свое путешествіе ни единой копейки изъ роднаго края; это такъ и сбылось.

Свободнѣе дышалось, когда ощутилъ я въ своемъ карманѣ сравнительно большой заработокъ, но и его не было достаточно для переѣзда въ С. Франциско. Такъ неужели же пятиться назадъ? — Иду туда пѣшкомъ! вышло въ рѣшительной формѣ давно возникшее намѣреніе. Всѣ силы моего ума и души напряглись только для того, чтобы обезпечить успѣхъ. Не оставляя ничего позади, все мое внутреннее я сосредоточилось на берегахъ Пасифика — и туда же неслась моя тѣлесная оболочка. Вамъ извѣстно, что задуманное было исполнено.

Вотъ и Сан-Франциско. Показался краешекъ солнца надъ моими надеждами — и мнѣ уже не стоило большого труда возвести его на такую высоту, чтобы оно засіяло полнымъ блескомъ. Здѣсь усиленнѣе прежняго пошли приглашенія возвратиться на родину; совѣтъ неизвѣстное мнѣ лицо предлагало деньги на проѣздъ... Даже самые жаркіе защитники путешествія колебались. Всѣ невзгоды пронеслись, дальнѣйшій путь казался мнѣ асфальтовой дорожкой бульвара. Когда